

16+

Прически стул

Сборник
рассказов

Валентин Баламутин

Валентин Валентинович Баламутин

Причеши стул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30478806

SelfPub; 2019

Аннотация

В настроении всех представленных произведений преобладает сюрреализм и абсурдность. Здесь описаны события из жизни людей, оказавшихся в необычных обстоятельствах. Либо наоборот – в обстоятельствах для них привычных, умышленно утрированных, доведенных до нелепости. С помощью этих приемов автор показывает смоделированную тривиальную ситуацию с неожиданного ракурса.

Ужин

За столом Анжела Вадимовна попросила Леонида Исаакиевича передать ей соль. А Леонид Исаакиевич же распознал ее действия как то, что называют “неспроста”. И он не ошибся. Когда он потянулся через полстола за солонкой, навалившись на самую Анжелу Вадимовну, она схватила его за волосы на затылке и осторожно, незаметно для окружающих, притянула его невозмутимое лицо к столу. Голова Леонида Исаакиевича находилась в такой непосредственной близости с поверхностью стола, что он в деталях мог изучить содержимое тарелки Анжелы Вадимовны. И даже мог попробовать это на вкус, лишь высунув язык. Но по телевизору, который стоял во главе стола, выступал президент державы. А в таких обстоятельствах Леониду Исаакиевичу и кусок в горло бы не полез. Так что он ограничился лишь прослушиванием информации, которая поступала из размыкающихся пухлых губ Анжелы Вадимовны:

– Ты на муку положил взгляд! Я знаю! А она ржаная, и тебе, гурман капризный ты наш, она не по зубам! Слышишь?

– Что? Мука? – просипел Леонид Исаакиевич. Ему захотелось спать из-за прилившей к голове крови. Поэтому он уже боролся с искушением опуститься лицом в мягкое и теплое содержимое тарелки. Там был, между прочим, плов.

– Вижу, ты себе шею все выворачиваешь в ее сторону..

– Но... она ж в мешке! – попытался возразить Леонид Исаакиевич.

– Вот именно! То-то тебя и интригует, студень ты в штанах!

– Да вообще-то я не могу сказать, что...

– Я тебя давно знаю! Насквозь вижу. Отстань от муки!

Эта сцена продолжалась еще некоторое время. Леонид Исаакиевич все-таки заснул. Анжела Вадимовна постепенно отошла от темы, вспомнив какие-то детали из жизни ее дяди. И в конце концов, измотанная своим собственным разговором, она уткнулась в ухо спящему Леониду Исаакиевичу, и погрузилась в глубокий сон.

Видя полное отсутствие интереса к своему присутствию, и умиленный спонтанным сном своих граждан, президент дал срочный приказ отключить звук у телевизора, и укрыть спящих пледом, не нарушая их свободы оставаться в выбранном положении. За столом спали к тому времени уже абсолютно все гости.

Не спала лишь мука. Она, разгоряченная пылкими взглядами, желала, чтобы мешок был немедленно развязан, и ее замешали в тугое и упругое ржаное тесто, а потом отправили в жаркую печь. С неприязнью смотрела она на урчащее во сне туловище Анжелы Вадимовны.

Вскоре отключили свет в рамках экономических реформ. Погруженный во мрак накрытый стол потерял еще минуту назад такой по-мещански уютный и торжественный облик. Признаки цивилизации растворились в темноте. Телевизор вознесся над столом и принялся уныло свисать с потолка,

дабы привнести хоть что-то поэтическое в эту безликую картину.

Смерть доктора Ф

Профессор Фархот Михаэлович с самого утра предчувствовал кирпич на свою голову. Он шел на работу в свою лабораторию на улице Ждуна-Колдуна-Моржа, преодолел ровно половину пути, и как раз, когда собирался уже наступить на вторую его половину, услышал резкий, но мягкий свист рассекаемого чем-то тяжелым воздуха. Поскольку он был профессор, то быстро смог проанализировать все факторы и параметры данного явления. Фархот Михаэлович выяснил за доли секунды что это был за предмет. За то время, что его правая нога была в воздухе, проделывая очередной шаг, и его голова запрокидывалась вверх, реагируя на внешний фактор, он смог выяснить, что: это определенно кирпич, его вес около трех килограммов, в состоянии свободного падения он совершает повороты вокруг своей оси со скоростью примерно тридцать оборотов в минуту. Скорость же движения кирпича была около 30 метров в секунду. Это показалось профессору странным. Ведь такую скорость он мог развить, если бы падал с высоты сорока пяти метров. Если масса кирпича была действительно столько, насколько ее определил профессор. Но по близости не было построек такой высоты. Это заинтриговало и взволновало профессора, который был человеком достаточно азартным и любознательным. Правда, и достаточно рассеянным – он вдруг вспомнил,

что забыл дома папку с рабочими записями, без которых ему нечего делать сегодня в лаборатории. Но он от этого не расстроился. Даже напротив – несколько обрадовался. Ведь он уже не сомневался, что в лабораторию он попасть все равно не сможет. И не только в лабораторию. Но и в любое другое учреждение. Например, в банк, чтобы оплатить кредит. Или в бар, чтобы достичь там состояния глубокого алкогольного опьянения. Так же ему теперь не придется идти на собрание жильцов, к которым он испытывал симпатию, но их болтовня наводила на него несусветную тоску и желание плюнуть кому-нибудь хотя бы на ботинок. Или наступить каблуком на носок. Но главное – тут он блаженно улыбнулся – ему не придется... Впрочем, пусть это останется в тайне!

Давайте Фархота Михаэловича будем называть на европейский манер – только по имени. К чему такие формальности, как отчество, которое лень произносить? Тем более, что при воспроизведении уже одной первой буквы мы итак уже почти уверены, о ком пойдет речь. Итак, когда Фархот... Кстати, почему бы, действительно, не называть его просто одной буквой Ф? Когда Ф наконец поднял глаза на нужный угол зрения, он успел увидеть таинственный предмет, о котором ему было уже известно очень многое.

Зрение у Ф не отличалось особой остротой, как это и положено профессору. Но очки с толстыми линзами доставать он не стал – на улице Ф старался не носить очков. В них он делался чрезвычайно смешным. Это был комплекс и Ф был

достаточно мудр и смел, чтобы признать это, но не мог ничего с собой поделаться. Очки – только дома и в лаборатории. И еще в туалете. Там он иногда читал. И никто никогда не видел его читающим в туалете. В этих очках и без штанов он, нависший над толстым справочником, раскрасневшийся от усердия, должно быть, выглядел сверх нелепо. Но его зрение хватило, чтобы бегло оценить визуально летящий на него предмет. В целом, он почувствовал удовлетворение – все его предположения подтвердились.

Несмотря на то, что до сих пор он был уверен в неизбежности столкновения кирпича и своего черепа, он исключительно интуитивно почувствовал, что есть шанс избежать этого. Нужно было сделать руками резкое движение, словно он бросает что-то вперед, и одновременно оттолкнуться ногами от тротуара назад. Не имея больше времени на раздумья, Ф сделал описанные действия. Для того, чтобы толчок был максимально эффективным, Ф визуально представил себя сразу в нескольких ипостасях: Брюс Ли, уходящий от удара, бабочка, вспорхнувшая над болотной лягушкой, которая едва не слопала ее, космонавт, который забыл пристегнуться к своему шатлу, и который беспомощно отдаляется от него, но в руках есть два гаечных ключа – и он бросает их в противоположную от шатла сторону с такой силой, на которую был способен, учитывая, что это его единственный шанс не остаться в космосе навеки вечные в виде космического мусора. В результате кирпич пронесся с воем мимо лица Ф и

врезался в его ногу. К счастью, нога у Ф была искусственная, как и большая часть видимого нами мира.

Ф смотрел на разлетевшийся на несколько кусков кирпич и испытывал смешанные чувства. Люди вообще часто испытывают именно смесь чувств, вместо какого-то одного определенного. Это мешает им предаваться радости полностью. Всегда есть какая-то доля настороженности. Как у синиц, которые могут несколько минут вертеть головой, выискивая признаки опасности, сидя на краю кормушки, чтобы за одну микросекунду схватить свою семечку и исчезнуть из поля зрения. Или бродячая собака, которая получила гостинец, но не может просто им насладиться. Она глотает еду как попало, одновременно шаря глазами вокруг – как бы не получить ногой в живот.

Вот Ф и думал: хорошо – остался жив. Не придется падать на холодные грязные плитки тротуара с раскроенной черепной коробкой. И, так как небо было затянуто тучами, то не исключено, что лежать ему пришлось еще и под дождем. С другой стороны, теперь ему придётся возвращаться домой за своими бумагами. А так же – идти в банк, на собрание жильцов, напиваться в баре, и ...

Ф поднял осколок кирпича, вознес его перед собой чуть выше лица, глубокомысленно прищурился и, помолчав несколько секунд, театрально спросил:

«О, откуда ты пришел, незнакомец, мой мир пошатнувшийся?»

Несколько капель шлепнулись на большой и широкий азиатский лоб Ф.

Жить иначе

(все имена вымышлены, любые совпадения случайны!)

—

У Фиктора была очень простая фамилия – Колбаченко-Двунос. Он считал, что это слишком просто и тривиально. Мучился, полагая, что фамилия какая-то слишком уж очевидная, лишенная загадки. Наверное, и жизнь будет складываться подобным путем – скучно, предсказуемо, смешно... Потом уж Фиктор решил, что это такое, видимо, его призвание, и таково у него предназначение – жить так, как дано ему свыше. И на том успокоился. Но фамилию на всякий случай немного усложнил. Решил называться Двунос-Колбачебос. Для этого он симитировал потерю паспорта, и при заказе нового изменил фамилию. Но Фиктор был слишком честный, чтобы так сильно соврать. Он решил сделать более правдиво – прорезал дырку в заднем кармане штанов, сунул туда паспорт, и отправился целенаправленно гулять пешком. Он очень долго ходил по улицам, старался ходить пружинящим шагом, чем привлекал внимание прохожих. Но паспорт все никак не желал выпадать из кармана и теряться в жидкой грязи улиц. Когда Фиктор был обессилен и притащился домой, паспорт все еще был на месте. Бедняга был в ярости. Он швырнул злосчастный документ в окно. И

быстро задвинул шторы.

Через три минуты в дверь постучали.

– Фить, ты паспорт потерял...

Это была Афина, знакомая Фиктора. Местная красавица, тайно влюбленная в него, мечтавшая выйти за него замуж и носить желанную фамилию Колбаченко-Двунос.

Ну да ладно о ней. Фиктор изобразил благодарность, выполнил то ли поклон, то ли реверанс, и принял испачканное в неиссякаемой уличной слякоти удостоверение своей личности из грустных ладоней Афины. Затем Фиктор, пока еще Колбаченко-Двунос, стал искать другие способы избавления от паспорта. Один из них, в конце концов, сработал. Этот способ отличается чрезвычайной жестокостью, поэтому описывать его было бы негуманно.

Надо упомянуть, что имя так же казалось Фиктору досадной нелепостью. Почему, собственно, Фиктор?! Это похоже на банальную опечатку, халатно допущенную работниками паспортного стола. И тем, кто наверняка бы не мог узнать правду, Фиктор, протягивая руку, гордо рекомендовался – Фильтор!

Когда Фиктор, добившийся своего, шел домой с новым паспортом в руке, он понял, что очень сглупил. Раз менял фамилию, мог бы поменять заодно и имя! Имя-то поменять забыл! Внезапно радость и удовлетворение сменились апатией и унынием. Он остановился, как-то весь поник, и, что называется, повесил нос.

"Все беды в моей жизни из-за нелепых желаний!" – вдруг подумал Фиктор. Его словно озарило. Он решительно топнул ногой в луже, покрыв тем самым мутными брызгами сразу нескольких мирно бредущих по своим далеко не нелепым делам прохожих. Кто-то из них не очень решительно прислал Фиктору тумака. Но Фиктор ничего этого не заметил. Он осознал себя страшным эгоистом, и в одно мгновение решил поменяться. Он радостно улыбнулся. Сердце его обожгло приятным торжественным жаром. В порыве вдохновения Фиктор высоко задрал руку с новеньким паспортом и с размаха швырнул его в лужу. Затем обеими ногами прыгнул на него сверху. Кто-то еще пытался угостить его тумаком, но не успел и промахнулся. Потому что Фиктор уже решительно мчался назад, в кабинеты и коридоры. Он вернет себе прежнюю фамилию и примется жить иначе!..

Сокровища Марка

Марк был музыкантом. Он играл на фортепиано. И это было его профессией. На гитаре же он играл лишь в своё удовольствие. Он любил хорошие старые инструменты. Очень ими дорожил и гордился. Как-то пустился он в очередное своё автомобильное паломническое путешествие по местам музыкальной и художественной славы. С собой у него были все самые любимые вещи. Было две очень ценных гитары и саквояж. Он остановился для кое-каких дел в одном районе, который пользовался криминальной репутацией. И когда он возвращался к машине, его сердце буквально вырывалось из

груди. Ведь в машине находилось всё самое дорогое. Во всех смыслах. Как и сама машина. Он понимал, что если все это добро попадет в чьи-то чужие руки, пока его не было (а ему пришлось отсутствовать слишком долго для того, чтобы все обошлось благополучно), то он просто может этого не пережить. Марк вдруг подумал, что ничто в жизни его так до сих пор не волновало. Ничто и никто прежде не был в состоянии вызвать в нем такие эмоции и страхи. На секунду это его шокировало. Он, озадаченный, добежал до машины и увидел, что все в ней оставалось так, как он и оставил. Все эмоции мгновенно утикли, по телу растеклось блаженство. Успокоенный он вздохнул с облегчением.

Потом огляделся и увидел на другой стороне улицы, немного в стороне какое-то, с виду вполне приличное, кафе. За деревьями и множеством припаркованных машин, в том числе и грузовиков, его было почти не видно. Но Марк заметил вывеску, затем какие-то ещё детали, и место привлекло его. Он захотел зайти туда, чтобы спокойно выпить чего-нибудь и подумать, имея при этом свой Форд в поле зрения. Так он и сделал. Кафе оказалось действительно вполне приличным. Сидя здесь за третьей уже чашкой кофе, он почитывал свежую утреннюю газету. В кафе то заходили, то выходили люди, играла на редкость интересная музыка, и хотя за окном уже стемнело, машину Марка было достаточно хорошо видно в свете фонарей и рекламных вывесок. Марк поймал себя на мысли, что любит свою машину. Она нравилась

ему, и он иногда любил поразглядывать ее со стороны в каком-то непривычном месте. Словно это была не его машина, а чья-то чужая. То же он иногда проделывал и со своими гитарами – Gretsch 6128 Duo Jet 1965 и Fender Vintage Hot Rod '62 Strat. Также, ему доставляли радость и удовольствие его кольца и перстни, удивительной красоты кулон, некоторые реликвии, наподобие подписанных лично великими музыкантами пластинок, и прочее. Большинство из этих его ”святыnek” находились в машине в этот момент. Он хранил их в специальном сундучке, сам по себе который представлял немалую для него ценность. Этот сундучок специально для Марка в подарок сделал его друг и тезка, мастер по всякого рода тонким и изысканным вещам.

Наконец, Марк оставил в покое свои драгоценности и окунулся в уютный мирок этого самого милого кафе, где он так неожиданно оказался. Он начал даже как-то слово за слово вести непринужденный диалог с девчонкой-подростком, что по-хозяйски устроилась за соседним столиком. Первым делом она вывалила на столик содержимое своего рюкзака. Несмотря на очень скромные размеры последнего, на приятной темной поверхности стола мгновенно образовалось очень яркое подобие горного хребта со скалами, пиками и утесами. И даже с абсолютно отвесной пропастью, которой послужила книга с как нельзя подходящим изображением скалистой фактуры на обложке. Девочка какое-то время оценивающе мерила взглядом свое живописное имущество. И

казалось Марку, который с некоторым любопытством поглядывал на соседку, что она размышляла в этот момент, не слишком ли много в ее жизни вещей, к которым она привязана. Он засмеялся. Девочка озвучила свои размышления, чем подтвердила догадки Марка. И теперь они смеялись оба. Так они провели около получаса. Она копошилась над своими многочисленными вещами, меняя ландшафт настольной горной системе, и отправляя предметы согласно какой-то определенной последовательности обратно в недра рюкзака. А он то наблюдал за ее деятельностью, то погружал взгляд в городской пейзаж за большим окном. Он почти физически ощущал приятную густоту опускающейся на город ночи. Черный воздух смешивался со светом разноцветных уличных вывесок и автомобильных фар, и получался такой коктейль, который можно пить глазами и хмелеть от его вкуса совершенно бесплатно. Хотя, бесплатно ли?

Вдруг Марк замер. Он увидел у своей машины две фигуры. Водительская и задняя пассажирская дверцы уже были открыты. Марк хотел было вскочить и броситься к машине, но его остановило какое-то странное, почти уютное, оцепенение. Он, не шевелясь, наблюдал за грабителями. Когда они вытянули из салона кофр с инструментом, за окном появилась эта девчонка. Она, проходя мимо, приостановилась и дурашливо помахала ему рукой. Марк вспомнил, что она, вставая из-за стола, что-то говорила ему, но он, остекленевший от внезапного зрелища, не обратил на это внимания. Он

рассеяно махнул ей в ответ уже после того, как она скрылась из поля зрения. Но Марк хорошо запомнил странную усмешку на ее лице. Она как бы ободряюще говорила: “Все правильно, дай им уйти. Допей, неспеша, свой чай. Нет повода суетиться!” Она ещё за столиком что-то такое говорила. Что она сказала? Что-то о свободе. Той, что мало кому по плечу. Да... Между тем, грабители вытянули вслед за второй гитарой его драгоценный сундучок, в котором, казалось, хранилось само сердце Марка, и не торопясь, чтобы не создавать подозрений, уселись в подъехавшее авто.

Марк сделал глоток из чашки, и сказал: “Нет повода суетиться!..” Рассчитавшись, он покинул кафе. Он взглянул ещё раз на свою машину. Водительская дверца была все еще приоткрыта. Из-за поворота вырулила жёлтая обтекаемая капсула машины такси. Марк махнул, и такси с мягким скрипом, покачиваясь, словно катер на воде, остановилось. Машина оказалась стилизованно раскрашена под Yellow Submarin, а за рулём сидел стилизованный Джордж Харрисон. Он высунулся из приоткрытого окна и сказал: “Всё дело – в мыслях!”

– “С” – значит “срочно”, – сказал Марк.

– Yeah, all you actually need is Love, – обрадовался водила.

Марк забрался в субмарину.

– В Нэвэрленд! – сказал он и дернул какой-то рычажок.

Потому что он был прирожденный дергатель.

Последняя прогулка Алены Павловны

Однажды Алена Павловна вышла на прогулку против

обыкновения не в 19-30, а глубокой ночью. Часу в третьем, приблизительно. Город был погружен в кромешный мрак, отчего Алена Павловна никак не могла решиться сделать первый шаг. Она опасалась наткнуться на какой-нибудь штырь, или провалиться в глубокий колодец, которому ей пришлось бы посвятить весь остаток своей, как она полагала, несколько затянувшейся жизни (ей уже было полных 30 лет). Тогда она бы не смогла, как обычно, выходить на прогулку ни в 19-30, ни в третьем часу ночи, так как выбраться самостоятельно у неё не было бы шансов в силу глубокой изможденности её повидавшего виды тела. А рассчитывать на чью-либо помощь было бы и вовсе глупо. Никто её там не найдёт и за сто лет. Впрочем, ей, окажись она в таком положении, оставалось бы только мечтать, чтобы никто её нечаянно не обнаружил и не закидал бы на потеху, например, старыми ботинками. Или камнями. Она знала, что люди так делают. Такие штучки были вполне в ходу уже с пару тысяч лет. При этом находился кто-то, кто очень старался зарисовать всё происходящее в блокнотик. Потому что все были сплошь художники, ищущие все новые сюжеты для своих собственных комиксов. Алена Павловна не хотела бы стать героиней какого-то комикса, пусть даже и такого смешного, где старушонку, шлепнувшуюся в канализационный люк, забрасывают камнями под заразительный хохот. Между прочим, опасения Алёны Павловны имели вполне убедительные основания. В городе было пруд пруди разверзнувших свои чёрные

вечно голодные и готовые поглотить хоть самого черта, на секунду утратившего бдительность, пасти канализационных колодцев, и разнообразных штырей, чьей задачей могло быть только улавливание и поражение ночных прохожих. Особенно, вконец состарившихся старушек.

Вытянув по-сомнамбульски руки перед собой, Алена Павловна решительно начала свою прогулку. Конечно же, это Ангел-хранитель провёл её мимо всех штырей, колодцев и даже, в целом безобидных, но весьма зловонных, луж и куч. Он слегка подпихивал её в более безопасном направлении. Очень скоро на небосвод выкатилась полная луна. Её холодный свет залил улочки, обнажив по сторонам кирпичные стены, а под ногами – растрескавшийся асфальт. Вид ночного города в единственном свете луны произвёл на Алену Павловну устрашающее и мистически жуткое впечатление. Она позавидовала настоящим сомнамбулам, которые ничего не видят во время своих ночных прогулок.

Откуда-то доносились чьи-то душераздирающие вопли. Может быть это кричали какие-то особые ночные птицы. Или коты. Но крик очень напоминал человеческий, женский крик. И одновременно – безумный смех. Но Алена Павловна, не смотря ни на что, отважно ковыляла вперёд.

Вдруг она заметила фигуру человека в длинном чёрном плаще. Теперь она пожалела, что не провалилась в какой-нибудь бездонный колодец раньше. Фигура незнакомца стояла возле входа в тёмную подворотню. Она почти поравнялась с

ним. Украдкой, искоса, она изучала его. Почему-то он был в высокой папахе. Казалось, что он лушит семечки. Это внушало весьма неприятные ощущения. Уж лучше бы он размахивал шашкой и грязно бранился.

И незнакомец произнёс:

– Ислам...

Алена Павловна впервые слышала это слово и потому ничего не поняла.

– То есть – силам...

– ... то есть – мадам! – крикнул уже вдогонку незнакомец.

– Не желаете ли сфотографироваться со змеей? Недорого!

Ага... Алене Павловне на этот раз стало любопытно. Со змеей ей ещё не предлагали.

Она согласилась и пошла с незнакомцем в тёмную подворотню...

Снимок вышел удачный. Змея была хоть и жутковатая на вид, но явно благородной крови. Один раз она пыталась задушить Алену Павловну, и один раз – укусить. Ничего личного – просто змея всегда остается змеей. На прощание незнакомец в черном плаще угостил Алену Павловну румяным яблочком.

– Сказка – ложь, мадам. Но в ней намек! – сказал он в след уходящей Алене Павловне.

– Да уж знаю-знаю! – игриво пропела пожилая женщина и театрально рассмеялась, – Не вчера, чай, родились!

Придя домой, она сразу подошла к зеркалу в коридоре.

Она знала, что увидит что-то необычное. И совсем не удивилась, когда на нее из зеркала смотрела молодая девушка шестнадцати лет.

– Он думал удивить меня, – тихо сказала девушка из зеркала своему отражению в воздухе, – но я не удивлена ни-сколько. Ни-сколь-ко... Я не для того живу, чтобы удивляться хорошим вещам. Нет. Меня удивляет другое.

Алена Павловна протерла яблоко об рукав, откусила, и отошла от зеркала. Но молодая девушка с той стороны осталась стоять. Она задумчиво продолжала.

– Почему они делают это? Смотреть в окно, словно в зеркало. Тускнеет в зеркале – тускнеет за окном... А в это время в темном городе тебя ждет змея, незнакомец и яблоко.

Алена Павловна не дослушала. Она, ничего не соображая, уснула на диванчике прямо в одежде.

– Спокойного сна, дорогая! – сказала девушка, затем вошла в комнату, бегло осмотрелась и сделала глубокий реверанс. А потом вышла из нее сквозь запертую дверь.

Удача

Жили мы тогда не так уж круто. Довольно таки скромно жили. Но самое необходимое имелось. По крайней мере, все лучшее, что было в нашем мирке, поступало прежде всего прямо к нам.

Хотя мы все должны были погибнуть. Почти все. Но у меня-то шансов почти не было. Помню, иллюзий особенно я не питал. Жил сегодняшним днем. Да и весело там было – чего

говорить. Какое-то время я вообще не хотел, что бы у меня был хоть какой-то шанс. Нас много было. Очень. Невероятно многодетная семья.

Но время текло стремительно. Беззаботные дни уходили. Почти все мои братья и сестры – так я их воспринимал – стали постепенно откалываться, уходить в себя. Многие тренировались. Очень усердно. Готовили себя к испытанию. Изучали литературу. Надвигалась развязка.

Однажды развязка уже почти наступила. Совсем неожиданно. Как в былые времена, стало вдруг всё так кайфово. Мы тусовались все вместе. Всем миром. Сначала просто шутили. Я думал, просто лопну со смеху! Какие они все клёвые и смешные. Было офигительно весело. Мы все были на каком-то подъеме. Это была такая огромная веселая толпа! Нас так всех и распирало. До чего хорошо-то! Хотелось носиться, сломя голову, кричать. Прямо неистовая эйфория какая-то.

Воздух наполнился чем-то торжественным. Вдруг мы все, как единое целое, пустились в пляс. Всё вокруг начало ритмично колебаться. Мне нравился этот ритм. Я помню, что начал на ходу сочинять под этот ритм какие-то песни. Скорее всего, это был просто поток слов или даже звуков в такт этому невероятному пульсу.

Но вдруг я почувствовал, как мои песенки усиливаются миллиардами голосов. Они подхватили! Они все стали петь вместе со мной! Повторять за мной! Стало жарко, но дышалось легко. Невиданный до этого, ветер носился над нами и

носил наши голоса. Когда я понял, что приближаюсь к какому-то невероятному экстазу, что скоро уже просто исчезну, перестану быть, что прогремит дикий взрыв, вдруг – всё внезапно стихло. Ритмичные колебания исчезли. Я, наверное, первым это почувствовал, осекся. Остальные все еще допевали мою песню, двигаясь как бы по инерции. Но постепенно затихли и они. Все стихло. "Эй!" – крикнул я.

– Эй... – повторили они за мной.

Мы все вслушивались. Что произошло. По нашему миру прокатилась волна недовольства.

Кто же испортил нам праздник? Этого мы не знали. Но поделать ничего не могли. Было ясно, что хотя мы вместе – огромная сила, но есть что-то, против чего мы не властны. Постепенно все совсем успокоились. И снова замкнулись в себе. А я смотрел на них и думал, что если бы произошло то, что сорвалось в этот раз по какой-то внешней причине, я потерял бы их всех. А как мы здорово пели. Это была настоящая живая Музыка. Это самый большой коллектив из всех! Магия, вот и всё.

– Выживет и перейдет на новую ступень только один из нас всех. Мы выбираем тебя! – так сказал Голос общины. Такой я видел сон.

– Но почему?... – заозирался я. Было неловко. И немного страшно. И даже стыдно. Они же все такие клёвые, а выбрали именно меня.

– Так решили все. Ты певец. В тебе нашли отклик все на-

ши голоса. Мы сторим, но ты вынесешь наши голоса наверх. Мы не погибнем...

– Я не могу взять на себя... – залепетал я, – Я не достоин..

– Да заткнись ты уже! Смотри ты! Скромняга... Нет времени ломаться, – рявкнул Голос общины. Я насупился и надул щеки.

– Итак, – продолжал голос, поглядывая искоса, как я ковыряю носком башмака землю, – там ты найдешь Её, Эсмеральду... кажется.

– Каво-каво??

– Эсмеральду! То есть... Так говорит книга времён. Книга времён говорит еще, что если ты увидел эту Э... Э-смеральду, то всё тип-топ, и дело в шляпе. Хотя, на самом деле не важно, как ее зовут. Это может быть и Ева. Или Грэтта. Или Катерина. Или, к примеру, Климентина.

– А как я их... её... узнаю? – забеспокоился я.

– Кроме нее там никого не должно быть. Если кто-то есть, то это значит она.

– Ааа... – неуверенно протянул я.

– Чую, брат, пришло время! Дай тебя обнять, что ли...

Я вздрогнул и проснулся. Да, время пришло. Всё было так же. Снова все собрались, снова начались танцы. Песни сами собой складывались и неслись от меня прочь, усиливаемые миллиардами голосов. Пульс начал учащаться. Нас вдруг подхватила волна и понесла куда-то вперед. Дальше и дальше. Туда, где я никогда раньше не был. И вот мы оказа-

лись перед прекрасными воротами, войти в которые мог только один. Внезапно все расступились передо мной. Ворота распахнулись. Я оглянулся. Мои друзья улыбались и махали мне все одинаковыми платочками. "И где они только их понабирали?" – подумал я. У меня нет такого. Я тоже начал махать всем в ответ. И оказалось, что в моей руке тоже был платочек. Только не такой, как у всех. У них были синенькие, а у меня – красный.

Я не мог оторвать от них своих глаз. Но когда ворота начали закрываться, они вдруг замахали на меня – давай, мол, пошевеливайся уже! Всё, мол, дело завалишь! И я бросился вперед.

Но не успел. Ворота захлопнулись прямо перед моим носом.

– Аааай! – простонал я, словно от боли, и услышал то же самое за спиной в усиленном миллиардами голосов варианте. Я решительно отбежал назад на несколько шагов, чтобы взять разбег и плечом вышибить эти коварные и наглые ворота. За эти мгновения, пока бежал к воротам-наглецам, я успел их рассмотреть хорошенько. И я быстро пришел к выводу, что мне их не одолеть. Если только не сумасшедшая удача. Когда я сделал уже последний, самый сильный шаг, ворота очень резко распахнулись, и моим друзьям осталось только слушать еще некоторое время, раскрыв рты, мои воинственные вопли, с которыми я влетел в эту обетованную бездну.

– Ну, здравствуй, Эсмеральда!.. Грэтта!.. Климентина...

Из рыцарский будней...

– Нет! Я хочу видеть людей! Хочу быть с ними! Ты слышишь? – орал Дон Кихот.

– Зачем они вам? Они все просто жалкие зануды. Ваших благородных целей им не понять.

– Но это не так! А если и так – мне все равно. Я им нужен даже вопреки их невежественному противостоянию! Будь они сорок раз бараны и глупцы, я вижу в них людей, ясно вам? Я не люблю притворства и разного там баловства... И инсинуаций. И спекуляций.

– Хорошо, послушайте...

– И мистификаций. И...

– Ну, что вы заладили? Дорогой мой! Мой господин! Да не оценят! Вот делайте свое добро себе там, в безопасности. Работайте во благо. Только не здесь, среди их нелепого и опасного, лишённого логики нагромождения препятствий и страшных жестоких ловушек. А мы вам и мельниц уж понастроим. Воюйте себе с ними!..

– Послушай, Санчо. У тебя есть дети?

– Не знаю, господин. А что это такое?

– Это такие маленькие люди.

– Насколько маленькие? У меня все тело чешется.

– Да. Наверное, это они.

– А что с ними делать?

– Говорят, воспитывать.

– Как?

– Просто. Кричать, запрещать, баловать, наказывать, укладывать, кормить и лечить.

– Ясно, господин. Начнем с «кричать».

– Правильно, друг мой. Нужно быть последовательным. А теперь идем искать людей, чтобы помочь им.

– Не могу больше спорить. Воля господина – закон. Между прочим, господин, у вас тоже есть дети!

– Убей их... То есть.. Ладно, Санчо. Я их как-нибудь воспитаю. Потом.

– Да, мой господин.

– А теперь вперед! К людям! Дай мне копьё. Здесь полно народу. Нужно пробиваться.

– Господин, берегите своих детей!

– Не отставай, Санчо Панца!..

Легендарные встречи

Строили день насущный Понкрат, Евстрат и Телекарпий. Столкнулись они с тревожной трудностью. Понкрат увидел проблему так, а Евстрат – эдак. Думали, чесали небритости. Все стало и затихло. Было слышно только, как они натужно сопят сосредоточенными ноздрями. Разрядил повисшее напряжение Телекарпий, который мудрости был преисполнен более прочих. Не упуская времени даром, этот смекалистый муж мгновенно разглядел в заминке возможность возрасти к

чему-то иному. Лёгкий то ли свист, то ли шип (то ли стон, то ли шепот, то ли крик, то ли ор, то ли лай, то ли дай, то ли най-най-най, то ли стук, то ли глюк, то ли палец, то ли хрен, то ли голос, то ли звон), доводчика двери возвестил о внезапном и радостном возвращении третьего товарища, а с ним и спасения от неминуемой драки и крушения великих надежд.

Телекарпий возник точно между Понкратом и Евстратом, затем взглянул хитрым левым глазом на Понкрата, и одновременно мудрым и успокаивающим правым на Евстрата. Обоим по-дружески подмигнув, Телекарпий вынул из за-пазухи большой, по-заморски расписанный изощренными маркетологами, фунфырь. Затем с по-театральному шумным выдохом водрузил принесенную емкость на грубый дубовый стол, торжественно и гордо. О, это первое соприкосновение доньшка полной запечатанной бытылки, ещё лежащего где-то в далёкой темноватой глубине, с поверхностью стола, будущего одновременно и поля брани, и площади парадов солидарности!

Стоит ли говорить, что этот стук уже сам по себе разрешил не только внезапную трудность, но и абсолютно все мелкие сучки и задоринки, если те и были в, возможно, не идеально сплоченном коллективе.

Обычная жизнь

Смотрю: из-под целинной земли вдруг вырос дом. Вырос

он, как гриб. И с характерным звуком откупоренной бутылки – Буль!.. Скучный с виду это был дом. Административный. На мозги сразу потянуло затхлостью. Ближе подошел. Не из любопытства, а просто мимо пройти было нужно. Вижу, табличка возле тяжелой и унылой двери – "БУЛЬ (Синедрион – твой слуга)". Приостановился и как-то непроизвольно наклонился и нашарил камень.

Тут дверь пронзительно скрипнула в сонной тиши, и из-за нее показалась голова. Большая – почти на весь проем.

– Я – Пунпан, – говорит.

Я же сжал камень покрепче. Голос неприятный. Скрипучий, как и дверь. Тут передо мной возник парнишка в трико с оттянутыми коленками и в обвисшей майке. Вот он и говорит:

– Ты чего мимо-то проходишь? И байк не ставишь? Сонет не пишешь...

– Ху а ю а ю ху хир, нна? – выбираю соответствующий внешнему виду затрапезного мальчика образ выражения и набор букв.

– Я – Шарий Пихович Головняк. Моя забота тут шариться.

– Нашарился ты здесь на Славу. Наклонись. Под ноги посмотри. Там Слава лежит. Он что-то славит, старается, а ты шарись чем-то, да по нему-то, вон, по бедному.

ШПГ наклонился и, не разгибаясь, заговорил дальше:

– А он сюдой сам, значить, приехал. На капээсесе. А кап-

ээсес этот женемецкий был, он его тута загнал за три чирика. Женемецкие здесь ценятся. Теперь валяется здесь, популярность набирает. Смотри, он еще и улыбается! Как...

Мне неожиданно пригодился камень. Я поставил его на голову ШаПиГо. От нависшей тяжести тот не смог распрямится. Так и остался стоять с головой внизу, задом – вверху.

Тогда я пошел далее. А из того самого зада и донеслось вполне отчетливое предостережение:

– Осторожно, фантазер! Сейчас Трампам Тарарамз уже приканает. Пунпан его уже вишь поджидает. Так шо и убирай отсюда свою тушку. А то на мех еще пойдешь.

Я на мех не хотел идти. Поэтому пошел направо. Где-то там слышал овец. "Овцы – это наше всё!" – подумал я, и под музыку урчания в своем животе поспешил отождествиться с изменившейся обстановкой.

На всякий случай пропел наскоро довольно нейтральный сонет. Немного отдалившись, я оглянулся. Внизу у крыльца я уже увидел чей-то байк.

А дальше – самая обычная жизнь. Моя, собственная. Собственная...

Фидбэк-Шавассана

Иоган щедро поддавливал на педаль акселератора в своей старой "кастрюле", которая, в свою очередь, несла его сквозь степи, залитые зимним солнцем. Сердце его пело и на лице мерцала едва заметная улыбка добряка, который, сам того

не осознавая, прикоснулся к Вечному. Здесь это называют то ли медитацией, то ли молитвой, то ли нирваной. Иногда – счастьем... Но в одном все сходятся – нужна глубокая и упорная практика. Бедный Иоган был в этом не просвещен. Полное невежество. Его мозг был всецело занят лишь музыкой. В делах же духовных он был не мастер. А потому и претензий особенных не имел.

И сейчас его тело полностью слилось с железным механизмом старой "кастрюли". Оно реагировало на любые мельчайшие изменения в ее поведении и в ситуации на дороге. В то же время сознание его охватывало все происходящее вокруг своим ласковым вниманием и торжественно приветствовало движение вперед. Рокот мотора подогревал воображение, а чехарда солнечных лучей и теней от придорожных деревьев создавали почву для произрастания образов в нем.

"Горшочек, вари! Горшочек, не вари!.." – пробормотал Иоган и улыбнулся чуть шире.

Внезапно в его голове заиграла какая-то новая, незнакомая музыка. Он стал с интересом слушать. Постепенно рука его начала плавать в воздухе, дирижируя невидимым оркестром. Оркестр подчинялся. Когда навстречу пронеслись несколько других кастрюль, тазов и самоваров, он автоматически ухватился обеими руками за руль, чтобы на узкой ухабистой дороге не свалить всю эту кучу посуды в придорожную яму, которая и так была вся усеяна ненастоящими веночками. Потеряв опору, оркестр несколько поплыл.

Но Иоган быстро выровнял картину несколькими властными взмахами руки. Ноты, как растерянные дети, ухватились за руку своего папы, и снова, обретя уверенность, побежали дальше широкими веселыми шагами.

Когда Иоган дослушивал уже вторую часть своей симфонии, мимо проносилось поселение Фабрикштрасс. Особая романтика этого поселения состояла в том, что его на самом деле не существовало. А все, чего не существует, как известно, невероятно романтично. Таким же романтичным был и сам Иоган.

И как раз близ этого поселения Иоган увидел на встречной полосе утюжок Валентина. Это был Валентин по прозвищу Баламутин – директор какой-то вымышленной, несуществующей организации. Тоже, соответственно, достаточно романтичной. Они иногда встречались в пути, но Валентин еще ни разу не обратил на Иогана внимания. Тогда как сам Иоган никогда не мог проехать и не заметить Валентина.

Ему было мучительно интересно, почему он замечает его всякий-превсякий раз. Однажды он даже решил всю дорогу проехать с закрытыми глазами. И вот, когда он уже почти доехал до своей загородной библиотеки имени Франциска Пёти, где, кстати, он втайне и существовал, Иоган нечаянно открыл глаза... И, естественно, он тут же увидел Валентина.

"Тьфу ты, пропасть!" – крикнул Иоган и, засмеявшись этой нелепости, он моргнул дальним дважды. И вдруг увидел открытую в благодарности ладонь Валентина.

Полная луна

Возможно твое имя Эмиль. Но вряд ли ты Золя. А если ты Золя, то вряд ли ты Эмиль. Если ты Эмиль Золя. Ты Эмиль Золя. А Чрево Парижа написал не ты. Если ты написал Чрево Парижа и ты Эмиль Золя, то это не то Чрево. Не того Парижа.

***

В комнату вошел Кот. А ты спрыгнула со стола. Почему ты боишься при Коте лазить по столу?..

***

Маленький мальчик очень любит читать. Но не читает. Потому что ему некогда.

Я должно быть плохой человек. Дрянский, как меч, выструганный из обычной деревяшки. Хахакири?

***

Солнце не вечно. Нужно полюбить что-нибудь.

***

Отвертка есть, нет шурупа. Шуруп есть, нет поверхности. Мир не идеален. На первый взгляд. И на второй. Но на третий...

***

Что-то погрюкивает, когда я набираю скорость. Пора поискать яму.

***

Королева и я. Снова и как обычно. Она так любит гово-

ритель другими словами.

Вос-Приятие

Девушку звали Гоголь, а парня – Телек. Вас, смотрящих на этих двоих, не покидает ощущение, что парень деревянный, а девушка – Николай Васильевич. И раз уж всё это не может быть совершенно ничем подтверждено в действительности, то любые подобные ассоциации и, тем паче, инсинуации несут на себе бремя несостоятельности и иррационального расхода вашей же энергии, связанной с преодолением всей неоднозначности положения.

Другими словами, всегда стоит принимать вещи такими, как они есть сами по себе. А не искать им аналогов в тесных недрах чердака, переполненного накопленным за бесконечно долгие годы хламом бесполезных знаний.

Выражаясь проще, никогда не стоит ложиться в постель. То есть, именно – никогда.

От себя же могу добавить только вот что. Ночь сегодня такая же. Такая же, и всё. А всё остальное было принесено нами, как уличная грязь на башмаках. Ибо.

Оптический фактор

Фиигги и его приятель Каккс в качестве прогулки пересекли пешком Равнину Эшье на Плоскогорье Гандуона. Дулсногшибательный ветрище, но их это совершенно не смущало. Они все ещё были под воздействием “Кашля” – но-

вая марка психоделической аэрозоли, пользующаяся некоторым спросом у фанниберийцев. К последним же друзья имели самое прямое отношение, а потому как только узнали об этом зарождающемся новом пристрастии своих соплеменников условились, не откладывая, приобщиться к нему лично.

Каккс обратил внимание, что Фиигги был доволен, о чем он мог судить по его оживленной походке. Его походку он мог видеть боковым зрением, и этого было достаточно. Фиигги был преисполнен энтузиазма. Что и придавало его движениям лёгкую абсурдность. Какие-то неоправданные и не наполненные никаким рациональным смыслом вихляния и размахивания конечностями. Сам же Каккс с удовольствием ощущал поток теплого воздуха, который воздействовал на него прямо спереди. Он добровольно отдавал ветру на растерзание свою шевелюру, и ощущал, с каким наслаждением его взгляд скользит, не встречая никаких препятствий, по плавной линии горизонта. Разговор друзья вели достаточно увлекательный. Было что обсудить, и точки зрения, к счастью, совпадали. Планета была им хорошо знакома. Хотя бывали они здесь не часто. И именно их встреча здесь сама по себе была большой удачей и отличным поводом отдохнуть от рутины без угрызений совести. В этот момент Фиигги с Какксом были довольны собой и друг другом. Собой они были довольны, несомненно, больше, чем друг другом. Что только способствовало прекрасному расположению духа.

Вдруг они заметили фигуру немного в стороне. Это был челафигер, как и они сами. Он шёл по касательной к их траектории, и они невольно зацепились за него взглядом. Ничего удивительного, постой челафигер, примерно их же возраста. Но что-то в его виде коробило взгляд. Где-то они понимали в чем тут дело. Фигура незнакомца не была такой гармоничной как всё вокруг здесь, и как внутреннее теперешнее состояние Фиигги и Каккса. Как их разговор. Идиллия окружающего была нарушена. Вообще, Челафигер, как таковой, в идеализирующем (а может просто в иллюзионирующем) понимании и представлении самих челафигеров, и описываемых двух представителей в том числе, являлся чем-то подобным Создателю. Прямой благородный стан, красивая свободная походка. Тело, минимально напоминающее об обыденности и быте. Ничего тривиального. Поэзия воплотилась. Кому быть образцом поэтичности как не нам, создателям этого искусства? – считали они.

Незнакомец же являл почти полный набор качеств, противоположных описанным. Неуклюжая и некрасивая походка, обрюзгшее тело, совершенно без вкуса подобранная одежда. Встреть они его в городе немного ранее, ничего особенного никто бы и не заметил, и внимания бы не обратил. Но здесь все сошлось так остро, что буквально ошеломило их. Разговор съехал с накатанной дорожки и то и дело то неуклюже подскакивал на ухабах, за которыми они перестали следить, то увязал в какой-то топи. Почти одновременно

Каккс и Фиигги взглянули друг на друга. Они переглянулись и с надеждой окинули друг друга критическими оценивающими взглядами. Надежды не оправдались. По глазам они могли бы понять, что думают об одном и том же. Но им до этого не было дела. Вся перемена произошла очень быстро. И много ли надо времени, чтобы пошатнуть убеждения, основанные на фантазиях и к реальности не имеющих отношения. Достаточно одного невинного соприкосновения с ней, с этой самой реальностью.

Помрачневшие, они плелись теперь без бывшего задора. Бурлящий поток беседы скоро совершенно пересох. Самовольной интонации не осталось даже в мыслях. Когда незнакомец проходил максимально близко, он взглянул в их сторону. Каккс и Фиигги поймали его взгляд. Они оба вдруг съежились, уловив в его глазах те же самые сомнения, что только что отравили им прекрасную прогулку.

Вскоре они договорились идти обратно. Ветер неприятно трепал волосы и мешал разговаривать. Хотелось что-нибудь купить, но не было магазинов. Темы для разговоров были исчерпаны. Хотелось пить. Хотелось встретить кого-нибудь. Прийти туда, где все такие же, как они. Где нет ветра, горизонта, и все привычно.

Бирка на Солнце

В дверь каждый день стучали. Я открывал. А когда в дверь однажды не постучали, я не стал открывать. Так и лег спать.

Но заснуть не мог. Все-таки встал и открыл дверь. И не зря! Там никого не оказалось. С чистой и спокойной совестью я мгновенно заснул. Прямо перед открытой дверью. Это меня порадовало утром, когда я проснулся. Потому что можно было сразу идти вперёд, на работу. Не нужно преодолевать страх и лень. Дверь уже открыта и обратной дороги нет. День складывался невероятно удачно. Сбывались практически все мои давние и новые желания. Ещё до обеда я реализовался в жизни полностью как личность. Я достиг того, о чем боялся и мечтать. Время текло удивительно медленно. И я не спеша брал рубеж за рубежом. После обеда я стал настолько успешным и важным, что сам себя немного боялся. Однако чем выше я взлетал, тем больше наполнялся отвратительным приторным ощущением безразличия и скуки. К вечеру мне было уже невмоготу. Мне был тошен мой успех, моя внезапная карьера. В приступе отвращения к пошлой роскоши своего нового кабинета, где я расположился в качестве генерального директора над всеми директорами, меня вырвало прямо в окно. Но вместо перемолотого натюрморта я изверг в пропасть небоскрёба целую кучу мятых купюр. Это были и рубли, и доллары. Но все они выглядели отвратительно. От их потасканного и жалкого вида меня рвало все больше и больше. Деньги разлетались в воздухе, как хлопья грязного снега. И вот я увидел, как из окон снизу начали высовываться чьи-то руки и хватать бумажки. Чтобы достать больше, они высовывались дальше, вместе с головой и туло-

вищем.

Я видел, как некоторые высовывались так далеко, что срывались и вываливались вниз. Но даже в полёте, стремительно приближаясь к своей гибели, они радостно продолжали набивать карманы грязными бумажками, и пихать их себе за пазуху. Не в силах более терпеть происходящее, я вознёс свой взор к небу. Там, между облаков, очень аппетитно и заманчиво расположилось солнце. Бирка с ценником без конца мотылялась на ветру и я не смог разглядеть цену. Оттошнившись, мне стало немного легче. Я закрыл окно. Сел и стал думать, как я докатился до этого кошмара. Вспомнить начало, как ни старался, не мог. Я сидел на полу под огромным витражным окном. От тщетных попыток осознать себя, и после долгого насыщенного дня, я начал сползать в сон. Вдруг я проснулся от стука в дверь. Бодро подскочил со своего диванчика и пошёл в коридор открывать. Было раннее утро, и скорее всего в дверь стучал, как обычно, новый день.

Мускулы

Культурист Арсен очень боялся потерять свои мускулы. Идет, бывало, куда-нибудь, а сам только и думает, что о мускулах. Достаточно ли их? На месте ли они? Не пора ли их покормить?

И так его это сильно тревожило, что иногда он сам был не свой. Вот идет, например, по тротуару, а только и видит перед собой что разные гири и блины. Навстречу прохожие –

приветливо улыбаются культуристу Арсену. Некоторые даже желают хорошего дня. Его это очень трогает. Он начинает улыбаться им в ответ, желает всяческого благополучия и еще много разных добрых вещей, на какие было способно его воображение и словарный запас. Но вскоре, во время очередного напутствия очередному прохожему, культурист вдруг вспоминает о своих мускулах. Сердце культуриста Арсена в ужасе замирает. Он обрывает свою пламенную речь, вырывает руку из горячего рукопожатия, и начинает метаться по улице в поисках зеркала. При этом он неистово щупает свои бицепсы, грудь и ягодицы.

– Где дельты? Где трапеции? Мои квадрицепсы?!..

Люди шарахаются в стороны. Разъяренный атлет являет собой зрелище критически опасное для впечатлительных.

Когда культурист находит зеркало, он срывает с себя одежду, позирует, несколько успокаивается, но все-таки остается недовольным, и схватив охапку штанов-свитеров, бежит утолять свою страсть холодным и равнодушным, но все же верным железом.

Он и два Царства

Штора в сером свете раннего зимнего утра извивалась, как бы балуясь со снежинками, влетающими с ветром в распахнутое окно. А за окном уже начал осваиваться тот самый свежий новый год, который этой ночью все люди так отчаянно встречали. Словно произошла смена караула. Уста-

лый, отстоявший свою вахту, часовой плелся куда-то восво-
яси на отдых, оставив все хозяйство на того нового, что при-
нял пост.

Год пришел новый, а люди и все остальное остались ста-
рые. Он открыл глаза. Комната так остыла, что от холода ны-
ли кости. Медленно он пытался прийти в себя, восстановить
прошедшие события, как это бывает с каждым, пробужда-
ющимся от тяжелого сна после крепкой пьянки. Его зноби-
ло, голова была налита свинцом и трещала и звенела, слов-
но пустая кастрюля, которую уронили в подъезде на верх-
нем этаже и она, подсакивая, катится по ступенькам вниз,
этаж за этажом, и наполняет весь подъезд пронзительным и
неприятным гроыханием. На левый глаз что-то давило из-
нутри чем-то островатым, что со своеобразной отвратитель-
ной гармонией вписывалось в общую картину тяжелых ощу-
щений.

Подобное он испытывал прежде не раз. Но нынешнее со-
стояние было все-таки чем-то уникально. Казалось, что было
гораздо больше событий, стертых из памяти алкоголем, чем
обычно. Кроме обычного удовольствия от выпивки и ощу-
щения всеобщего праздника, было что-то неопределенное,
даже интригующее. Он слез с кровати. По времени, которое
он определил по состоянию освещенности и людности за ок-
ном, было ясно, что спал он очень недолго. Поняв это, он по-
чувствовал легкое облегчение. «Конечно же, совсем не про-
спался! Потому и такая дикая болища в голове».

«Как же снова все серо и уныло вокруг» – эта мысль молниеносным импульсом прошла через его тело и попала в такт с ударом сердца, отчего оно ухнуло вдвое сильнее и в виске резко кольнуло. Этот короткий импульс посеял тревогу. Смутное недоверие овладело им. Он захлопнул окно и пожегился. Штора успокоилась. Последние снежинки таяли на полу. Там уже было довольно мокро. Он огляделся вокруг, и сразу пожалел об этом. Холодно. Было холодно и тревожно. Посмотрел за окно. Пожалуй, там чуть лучше – свежий снежок. Он любил свежий снег, если только стоял устойчивый мороз. Ветер был сильный. Он гонял снежинки, не давая им приземлиться, параллельно плоскости этих сонных улиц.

«Надо выпить горячего чаю», – пробубнил внутренний голос. Он стал цепляться за свое интригующее воспоминание, или, скорее, ощущение – вспомнить он не мог даже предмет, что-то основное, от чего можно было бы оттолкнуться. В общих чертах он видел все свое вчерашнее веселье. Весь день был приблизительно перед глазами, ночь рисовалась чуть четче, чем день. Но тут не было ничего такого, что вызывало бы такие странные ощущения. От прошедшей ночи осадок в целом был, как обычно, неприятный. Да, веселились, кутили, но теперь все это прошло и скоро будни. Потрачены деньги и с ними будут серьезные перебои впереди. С кем-то снова поругался... От этого сердце сжалось. Зачем? Ради чего говорил о вещах, которые дороги сердцу в таком виде, в котором вообще уже говорить сложно. И все равно

ведь уже и не слушал никого, значит, поругался сам с собой. Замечательно, нужно попытаться помириться с собой...

Что же это может все-таки быть? Такие редкие... Да, довольно редкие ощущения. Неясно даже – приятное это, или что-то отвратительное щекочет в груди. Какая-то новость? Интересное предложение? Гениальная идея? – такое бывало во времена вдохновения. Но что же могло такое произойти? Может какая-то девушка? В общем, тоже неплохо. Если какая-то девушка способна была вызвать такие эмоции, то надо непременно ее найти!

Но никакой такой девушки он не помнит вчера. Ни такой и никакой вообще девушки он вчера у себя не помнил. Он принялся было рисовать в воображении всевозможных красок разных видов и стилей, но после нескольких легких набросков оставил это. Само настроение в последнее время было у него тревожное, там не было особенно места для флиртов. Он часто впадал в воспоминания или наоборот грезил, рисовал какие-то события, могущие еще произойти. И которых он бы желал. Но часто эти рисунки из более-менее конкретных, пейзажных, переходили постепенно в некие абстрактные формы, в конце концов, визуально практически неразличимые. Это была последовательность каких-то полотен со смешанными цветовыми оттенками, иногда с вкраплениями каких-то реальных образов. Несмотря на неопределенность визуальную, они приводили его в различное эмоциональное состояние. И угадать, куда вынесут эти лабирин-

ты подсознания, было нельзя. Иногда можно было очнуться в тоске, иногда – в состоянии агрессии. А в лучшем случае, что бывало – в состоянии дикого ликования и радости. Наиболее важной реакцией этих грез для него считалось побуждение к действию.

Вдруг он почувствовал, как земля уходит из-под его ног. Из-за сильного приступа головокружения и слабости он едва устоял на ногах, опираясь руками в откос окна. Тошнота подкатила к горлу. Комнату наполнил какой-то тяжелый воздух, и он снова распахнул форточку, несмотря на озноб, и решил все же согреться горячим крепким чаем. Без всяких мыслей, как в оцепенении, он побрел на кухню. Уже извлекая спичку из коробка, он увидел, что одна из ручек на плите повернута наполовину. В это мгновение стало ясно, что такое тяжелое наполнило воздух в квартире. Мгновенно вспомнилась ночная деталь. Спички выпали из рук, он закрыл газ и, держась за стены, снова побрел к окну.

Ночью, вспомнилось, уже под утро, когда все разошлись, он почувствовал, что остался один. Что он давно уже один, словно изначально, с самого начала, все эти годы он был один. Весь дом теперь спал, стояла тишина, и все предметы были подчеркнута неодушевленны. Даже пластинки с записями любимой музыки и книги. И тогда от тоски захотелось увидеть огонь. Просто смотреть на пламя как на проявление цивилизации, олицетворение естественного движения в природе. Почувствовать себя неотъемлемой частью всех и все-

го. Эта связь через трубы газопровода, которые разошлись по всему городу и заходят в каждую квартиру, была для него сейчас как связь ребенка с матерью еще до рождения. Захотелось увидеть этот синий горячий цветок, смотреть на пламя и греть руки и воображение, слушать шипение его, словно медитативную музыку, под которую он отрешится от всего окружающего, станет легким и свободным. И как тепло растекается от рук в его организме, так он растворится во всем пространстве.

Занимая свой хмельной рассудок, он открыл газ, глядя невидящим взглядом на залитую убежавшим кофе плиту. Он повернулся к столику за спичками, и взгляд его упал на новый календарь с изображением пейзажа долины среди гор. Вдруг он вспомнил, как сам бывал в тех местах, шел по той самой долине и к нему вернулись те ощущения, которые он принес оттуда. Его потянуло в сон. Самого предвкушения избавления от одиночества с помощью огня оказалось достаточно, чтобы рассеять и притупить тоску. Важнее огня теперь оказался сон. Стало сладко от осознания, что в распоряжении у него есть еще все тот же сон, в который можно погрузиться, как в горячую ванну, и выбираться уже не захочется, кажется, никогда. Забыв о синем цветке, он отправился в комнату к кровати, не видя ничего, кроме долины среди гор.

Он завернулся в комнате в одеяло и, упершись в стекло окна лбом возле открытой внутрь форточки, уставился в за-

порошенную свежим снегом серую картинку улицы. Форточка, распахнутая ветром, стало быть, сыграла роль кислородной маски в критический момент. Он бессмысленно глядел в окно. Мысли, как замерзшие, одубевшие на морозе пальцы, не проявляли послушания перед желанием хозяина расшевелить их.

Он пытался прислушаться к своим мыслям, приглядеться к своему состоянию. Он как-то поверхностно осознавал, что только случайно распахнутая вовремя форточка, сквозь которую комната наполнилась чистым морозным воздухом улицы, удержала его в этом месте, которое условно здесь принято называть мир, мир живых.

***

– Тебе было плохо. Ты был одинок и мучился этим. Мы долго наблюдали за тобой, – голос коснулся его слуха, проник в него из объемной мягкой тишины. Так сказал мужчина, с внешностью благородного старца. Он видел его еще не открывая глаз. Образ коснулся его зрения так же мягко, как и голос. Несмотря на его снежно белые длинные волосы, бороду и усы, взгляд его был очень юным.

В ровном ярко-белом всепоглощающем сиянии плавно начали прорисовываться линии силуэтов. Тогда перед ним проявилось несколько фигур. Это были люди. Но очень необычные. Там было несколько женщин и мужчин. Они все обладали невероятной красотой. Эта красота воспринималась не только зрением. По обычным меркам, ставшим тра-

диционными на Земле, они не показались бы самыми красивыми людьми. Но они были прекрасны. И это воспринималось в последнюю очередь глазами. Они были, как цветы, вид, аромат и осознание присутствия которых способны создать в душе атмосферу праздника, покоя и радости. Так они подействовали на него. Молча, и с чутким участием смотрели они. Вокруг был сказочный вид лесов, гор и равнин на горизонте. Все это слишком напоминало сон.

– Это история зверя, который попал в ловушку. Ему было не понять, что вырываясь, он лишь затягивает петлю и увечит тело. Но страх и агрессия заволокли туманом его ясные, зоркие прежде глаза, – так продолжила речь старца женщина с роскошными русыми волосами, стоявшая немного позади него.

– Сейчас ты переходишь в добрые руки. Здесь нет боли. Здесь ты можешь отдыхать сколько пожелаешь. Ты уже почти с нами. Но есть немного времени, чтобы сделать выбор, – сказала другая девушка, стоявшая за другим плечом старца. Волосы ее были черные, как сама ночь. Яркий рассеянный свет переливался в них, словно звезды на ночном небе.

– Подумай и реши. Чтобы вернуться назад – закрой глаза. Чтобы остаться, протяни мне руку. Подумай и реши сам! – сказал старец.

Так вот в чем дело! Это смерть! Я умер!.. Его вдруг стало знобить, и от страха перехватило дыхание. Как это случилось? Но он не готов! Он не хочет еще умирать!..

Но почему нет? Там же его не держит ничего, кроме ежеминутных приступов страдания и одиночества. А здесь... Эти красивые люди. Они так добры. Они прекрасны. Здесь мир и покой. Нет нужды, несправедливости, глупости, жестокости, коварства и жадности. Их глаза глубоки и чисты, как несуществующие ныне пресные земные озера.

Но все эти привязанности. Есть шанс научиться жить. Но маленький. Если быть честным, то он в него уже даже не верил. Но не хотел думать об этом. Пытался закопаться в суете. Как пронырливый бессовестный и изощренный политик, он отводил внимание своего собственного сознания от главной проблемы, занимая его всякой шелухой.

Он удивился своим собственным ощущениям, и ужаснулся им. Было ясно, что он не хочет оставаться. Он не сможет этого сделать. И вопрос, который его сейчас сильно интересовал – почему именно? Потому что не хотел упускать шанс еще разобраться в жизни, чтобы закономерный его уход был в конце ее более естественным и не таким жалким. Или он просто боялся перемен. Смерть ведь это самая сильная перемена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.